

Этнографическая модель измерения, прогнозирования и проектирования языковой ситуации в регионе

Д.Н. Иванова, А.Ю. Поленова

Южный федеральный университет

Аннотация: В данной статье авторами предпринята попытка рассмотреть детально этнографические подходы к изучению вопросов языковой политики, с акцентом на различные ракурсы моделирования языковой ситуации в традиционной и инновационной этнографической парадигме. В работе также дано веское обоснование эффективности данного подхода при измерении, прогнозировании и проектировании идеальной и реальной языковой ситуации в интересующих исследователя регионах. Представлены конкретные примеры, убедительно иллюстрирующие возможности этнографического моделирования. Научная новизна представленной авторами публикации заключается в противопоставлении эмической перспективы этической, что нашло свое графическое воплощение в предложенной авторами модели. Более того, этнографическая модель выступает идеальным инструментом для мониторинга обратной связи при изучении функционирования закрытых форм языковой политики, а также для отслеживания различных последствий проведения практических мероприятий в области языка.

Ключевые слова: этнография, этнографическая модель, эмическая и этическая перспективы, критическая этнография, микро-этнография, социолингвистическая этнография, закрытая и открытая формы языковой политики.

Основной задачей этнографов в традиционной парадигме является накопление материала, полученного «с первых рук», обладающего потенциалом генерирования рабочих гипотез и концептуализации в социально-лингвистическом поле. Что касается вопросов языковой политики и планирования, то этнографы проживают какое-то время в интересующем их регионе с целью изучения языкового поведения тех или иных групп населения. Объектом их исследования является не столько сам язык, сколько группы его потенциальных или актуальных носителей.

Согласно этнографической модели изучения интересующих нас вопросов, исследователи намеренно не выходят за пределы групповых культурных границ, которые очерчиваются в языковом поведении, а лишь стремятся понять механизмы функционирования языка в повседневной жизни сообщества. В моделировании языковой ситуации этнографическими методами ученые не стремятся изолировать языковые формы от

экстралингвистических отношений с целью их более тщательного изучения, а, напротив, помещают исследуемые формы языкового поведения в богатый социальный и культурный контекст, на фоне которого и происходит повседневная коммуникация. Другими словами, они не пытаются наложить свои теоретические предположения и выдвинутые на начальном периоде изучения гипотезы на практику функционирования языка, а стремятся генерировать гипотезы через призму полученного опыта. Их основная задача – репрезентация «реальной» языковой ситуации в регионе так, как она понимается и воспринимается непосредственно лицами, вовлеченными в нее. Отнесем данное видение ситуации к эмической модели, поскольку мотивы языкового поведения согласно этой модели находятся прежде всего в головах тех актеров, кто непосредственно вовлечен в сюжетную линию, разыгрываемую на реальном социолингвистическом поле. Иными словами, согласно этой модели, языковое поведение разыгрывается на конкретном социолингвистическом поле конкретными актерами. Такое видение противостоит этической модели, восходящей к универсальным характеристикам. На изображенном ниже рисунке эмическое видение ситуации представлено как более значимое и информативное под буквой S (как область субъективного). А этический подход обозначен буквой O, (объективное), так как обладает значением универсального культурного кода. В центре изображенной модели находится этнограф (E), который обязан при формулировке выводов руководствоваться двумя областями, с акцентом на эмическое видение (Рисунок 1).

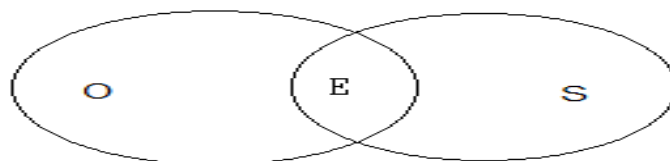

Рис. 1. – Модель языкового поведения

Исследователи могут использовать целый арсенал приемов сбора информации по интересующей их проблематике, но главным был и остается метод непосредственного наблюдения. Такой ракурс изучения становится возможным при условии, что ученый естественным образом интегрирует в языковое сообщество, чтобы получить непосредственный опыт общения с группами носителей языка, выступающими объектами исследования. Чтобы сделать этот опыт более разнообразным, этнографы могут обогатить его данными, полученными в ходе собеседований и опросов. Для обработки информации подходят количественные и качественные методики. Какие бы средства ни использовались, этнографическая модель представляет собой глубокое и качественное описание конкретной языковой ситуации, дающее возможность читателям взглянуть на практику языкового поведения во всем ее разнообразии и сложности.

Традиционные подходы, применяемые этнографами и описанные выше, можно считать подходами «описательного» характера с учетом их тенденций объективизировать полученные знания и освободить их от пристрастных оценок. Также принято считать, что данные, полученные из «первых рук», разнообразный исследовательский инструментарий, а также научный подход могут способствовать приобретению «аутентичного» взгляда на языковое поведение в рамках изучаемого сообщества.

Однако, как это произошло во всех гуманитарных науках на рубеже тысячелетий, объективность данного ракурса исследования была поставлена под сомнение. Так, возникло новое направление этнографического научного поиска, называемое «критическая этнография [1]. В свете этой недавно появившейся области знания методологические основы настраиваются в соответствии с постмодернистским видением мира, ориентированного на воспроизводство социально конструируемого знания. В противоположность

релятивистской традиции, воспринимающей культурные и языковые сообщества как различные-но-равные, критическая этнография позиционирует их как неравные в контексте властных отношений. Более того, этнографические описания трактуются как несвободные от идеологических пристрастий исследователя, часто освещенные в интересах той или иной социальной группы, исполняющей роль заказчика исследования.

Следует также отметить, что языковые и культурные сообщества воспринимаются в рамках критической этнографической модели как гетерогенные, конфликтные и трансформирующиеся. Традиционные этнографические описания имели дело со статичными, унифицированными и зафиксированными формами языкового поведения. Новые подходы к моделированию социальной и языковой ситуации порождают вопросы, связанные с достоверностью и надежностью полученных данных. Прагматическая ориентация большинства сегодняшних исследований диктует необходимость ответов на данные вопросы в ситуативном контексте. А ситуативный характер исследования становится абсолютно неприемлемым в рамках критических моделей общества. Таким образом, критические этнографы поднимают в своих трудах дополнительные вопросы, постановка которых была бы невозможной в рамках традиционных моделей, а именно:

1. артикуляция аттитюдов к властным структурам со стороны этнолингвистического сообщества, с одной стороны, и исследователя, с другой.
 2. мониторинг отношения самого ученого к изучаемому сообществу и его динамики во время проведения исследования [2].
 3. оценка потенциального или реального воздействия результатов исследования на сообщество [3].
-

4. анализ причин конфликтов, репрезентированных в отношении сообщества к языку и культуре [4].

Кроме описательных и критических моделей, существуют и другие направления в этнографических исследованиях. Так, микро-этнография анализирует, как разговорные языковые практики конструируют тот самый контекст, который в исследовании выступает как некая данность. Такой подход доказал свою эффективность в русле исследований, посвященных вопросам приобретения языка. Этнография устной речи эксплицирует культурологическую ориентацию в изучении разговорных практик. И наконец, так называемая социолингвистическая этнография, задуманная Моникой Хеллер (1999), изучает вопросы языкового выбора как средства экспликации особенностей языкового поведения. Во всех этих перечисленных областях этнографические модели должны определенным образом быть настроены под конкретные цели исследования.

Стоит отметить, что этнографическое исследование может оказаться практически полезным на разных стадиях языкового планирования, а именно до, во время и после реализации конкретных мероприятий. На стадии «до» оно может предоставить важную информацию, необходимую для формулирования релевантных и эффективных программ в области языка. Такая собранная информация может касаться отношений языкового сообщества к конкурирующим языкам [5], желаний и потребностей населения в области языка [6], роли языка в формировании идентичностей разного уровня [7]. Этнографическая модель, взятая за основу на стадии «во время», дает возможность проследить, насколько эффективно различные субъекты проводят языковую политику.

Особенно важным представляется освещение в этнографической парадигме конфликтных ситуаций, возникающих среди социальных институтов различного уровня, активно влияющих на ход проведения

языковой политики на конкретной территории, и поиск компромиссов для более эффективной реализации языковой политики [8]. И, наконец, разработанная нами этнографическая модель, применяемая на стадии «после», может помочь проанализировать результаты и последствия проведенной языковой политики в регионе на различных уровнях.

В идеале освещаемая нами модель могла бы стать эффективным инструментом в воспроизводстве того, что мы назвали бы циклом языковой политики, в который органично входят все стадии развития социолингвистических сценариев. Такой характер исследования позволил бы получать релевантную информацию на регулярной основе с целью повышения эффективности и результативности осуществляемой языковой политики. Однако на практике реальное воплощение такой идеальной ситуации оказывается практически невозможным из-за дефицита времени и ресурсов.

Этнографическое моделирование может оказать практическую пользу в производстве разнообразных форм языкового планирования. Например, в статусном планировании этнография может сыграть свою позитивную роль в конструктивной функциональной дистрибуции языков в регионе, закрепив за каждым из них определенные коммуникативные сферы. В планировании языкового приобретения этнография может отследить то, как языковая политика находит отражение в школьных кабинетах, образовательных программах, способствующих социальной стратификации групп носителей разных идиомов. Независимо от типа языкового планирования, этнография может обнаружить интересные факты, на основе которых легко построить ряд рекомендаций в области языкового планирования. Мы можем проиллюстрировать данный тезис на конкретных примерах.

Так, во Франции в 1951 году был взят курс на активное внедрение политики языкового плюрализма. Результатом этой политики стало снятие

запрета на использование бретонского, каталонского (провансальского), баскского языков, окситанского диалекта. Также получили право пользоваться своими языковыми образованиями эльзасцы, корсиканцы, фламандцы. Это политическое решение привело к активизации данных этнических групп, начавших официальную кампанию по сохранению и развитию своих языков.

Джафф [6] раскрывает парадоксальные последствия противостояния корсиканцев национальной языковой политике Франции. Их сопротивление нашло реальное воплощение в применении двух основных стратегий: (1) полное вытеснение французского языка из всех сфер жизни корсиканцев (включая смешанные языковые формы), и (2) сохранение корсиканского для коммуникации в пределах корсиканской общины и использование французского для официально-деловой коммуникативной сферы. Но в то время как первая стратегия препятствует социализации корсиканцев и практически обрекает их на отсталый уровень жизни, вторая стратегия понижает статус корсиканского языка и существенным образом сужает сферы его использования (только для бытовых целей). Таким образом, данная политика привела к совершенно неожиданным результатам, поскольку породила дополнительные формы лингвистического отчуждения данной этнической группы, и к негативным последствиям в функциональной дистрибуции языков.

Этнографические модели лучше всего подходят для проверки того, какие из мер, предусмотренных законом о языках, сработали успешно, а какие остались на бумаге. Так, в нашей стране в трудной ситуации находятся языки народов Севера. Возьмем для примера ситуацию с кетским языком. Нельзя сказать, что ничего не было сделано для его возрождения и сохранения. В 1987 году в школах было введено преподавание кетского как школьного предмета [9, С. 55]. Основной задачей, предусмотренной

введением этой меры, было вернуть кетский язык хотя бы в бытовую сферу. Однако этого не случилось. Даже в тех селах, где живут одни кеты, основным языком общения - русский. «Не удивительно, что среди детей до 15 лет и молодежи знание кетского языка в диковинку» [9, С. 58].

Парадокс такой специфической языковой ситуации заключается в том, что кетская национальная школа держится в большей степени на поддержке сверху, а снизу данная инициатива не получила широкого одобрения.

Шифман выделяет открытые и закрытые формы языковой политики. И если первые, как правило, провозглашаются под красиво звучащие лозунги под прикрытием самых высоких целей, то вторые отличаются скрытыми, с трудом распознаваемыми мотивами.

Рассмотрим, к примеру, школьную реформу 1958, которая имела место в Советском Союзе. Речь идет о праве родителей выбирать школу для своих детей, включая и право выбора языка, на котором ведется обучение. Этот исторический факт интересен нам еще и тем, что остался практически незамеченным специалистами в СССР, но получил достаточно широкое освещение в западной литературе [10, 11]. И опять мы сталкиваемся с совершенно парадоксальной ситуацией. Следствием этой реформы стало резкое сокращение количества национальных школ и особенно учеников в них. Западные специалисты [12] расценили эту меру как свидетельство принудительной русификации под внешне благородными лозунгами. Однако мы считаем такую оценку не совсем правильной, поскольку желание родителей отдать своих детей в русскую школу было прежде всего продиктовано их стремлением дать образование на языке, способствовавшем их дальнейшей карьере.

Такое явление не является типичным только для нашей страны. Во многих странах сами меньшинства выступают против права обучаться на материнском языке, затрудняя овладение другим более важным

государственным языком. Случаев, когда под прикрытием одних лозунгов реализовывались другие цели, в мировой практике проведения языковой политики достаточно. Так, французы в своих бывших колониях в Северной Африке поддерживали берберские местные языки, чтобы воспрепятствовать арабизации берберов. И еще один пример, связанный с правом обучаться на материнском языке. На этот раз речь идет о ЮАР во времена апартеида. В этот период специально ввели одноязычное обучение африканцев на материнских языках, чтобы те не могли освоить язык белого населения и не объединялись между собой.

Конечно, закрытая форма языковой политики полностью нивелирует хорошие намерения, артикулированные официально, и более того, может свести на нет те достижения, которых удалось добиться в рамках открытой формы языковой политики. В школьной практике превалирует тенденция монолингвизма. Но даже при условии того, что учителя и школьники используют на занятиях один разрешенный официально язык, возможны неофициальные ситуации, где преимущественно используется другой, более привычный и удобный для общения. Именно такие ситуации наиболее пригодны для выражения идентичности и развития солидарности, способствуя образованию более устойчивой связи между учениками и между учениками и учителем.

Такая стратегия является примером того, как школьные преподаватели и ученики выступают в качестве субъектов, активно влияющих на исполнение языковой политики. Также данный случай показателен в плане иллюстрации примеров языкового планирования «снизу». Кроме того, такая практика облегчает разделение сообщества на «своих» и «чужих». При этом в качестве фактора, на основе которого происходит это деление, могут выступать не только два разных языка, но и разные варианты «своего» языка. Это могут быть стандартный (литературный) язык и диалект. Например, в

современной Японии принято говорить со «своими» на диалекте, а с «чужими» на литературном языке [13].

Этнографическая модель идеально подходит в качестве инструмента получения обратной связи при изучении функционирования закрытых форм языковой политики, а также для отслеживания парадоксальных и неожиданных последствий проведенных практических мероприятий в области языка. Однако не всегда союз между этнографией и языковой политикой оказывается гармоничным, так как существует опасность искажения данных, полученных в ходе опросов и интервью, в интересах заказчика. И дело даже не только в преднамеренном искажении информации и адаптации ее к целям исследования. Как выразилась Робинсон-Пант: «Разработка и проведение этнографического научного исследования в контексте грамотно осуществляемой политики представляются гораздо более проблематичными, чем использование данных, полученных в ходе традиционных исследовательских проектов» [14, С. 68]. Она также считает, что политические императивы определяют структуру вопросов, накладывая определенные ограничения на содержание работы, а этнограф нуждается в относительной свободе действий, так как гипотезы могут меняться в зависимости от полученной информации.

Еще одна дилемма вытекает из релятивистской природы этнографии. В данном поле исследования всегда присутствует некая степень предубеждения относительно интересов и взглядов изучаемого языкового сообщества. В свете заранее заданных параметров эти взгляды и интересы всегда должны рассматриваться как правильные и служить отправной точкой всех дальнейших рассуждений. Однако в полиэтническом регионе эти взгляды имеют, как правило, эгоистическую природу и могут привести к возникновению конфликтных ситуаций в языковом поле, и не только там. Поэтому функции современного этнографа выходят за рамки пассивного

получателя информации (адресата) по интересующим вопросам и простираются до роли активного субъекта, который может оказать помощь сообществу в разъяснении их языковых прав и прогнозировании лингвистического будущего.

Итак, наша работа посвящена описанию практической ценности этнографической исследовательской модели [15, 16] в разработке стратегий языковой политики и планирования. Показана значимость такого ракурса изучения на всех стадиях цикла осуществления языковой политики. В работе также описаны конкретные случаи с целью иллюстрации того, как можно активно влиять на языковую политику «снизу» и «сверху». Этнографы могут влиять на ход планирования и осуществления языковой политики, но и на них может оказываться мощное воздействие существующими в обществе социальными институтами и властными отношениями.

Литература

1. May S. Critical ethnography. In N. Hornberger & D. Corson (eds.) // Encyclopedia of Language and Education. Research methods in language and education: 1997. Vol.8, 197-206.
 2. Млечко Т.П., Шипилов А.В. Языковые реформы в контексте политической ситуации в Молдове // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М: 1994, С. 87-90.
 3. Перехвальская Е.В. Статус идиома и этническое самосознание // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М.: 1997, С. 130-134.
 4. Stites R. Household literacy environments as contexts for development in rural China // Literacy and Development: 2001. Pp. 181-197.
 5. Dyer C. & Choksi A. Literacy, schooling and development // Literacy and development: Ethnographic perspectives. London: Routledge: 2000, pp.27-39.
 6. Jaffe A. Ideologies in action: Language politics on Corsica // American Ethnologist: 1999. 27(3), pp. 764-765.
-

7. King, K. Language revitalization processes and practices: Quichua in Ecuadorian Andes. Clevedon: Multilingual Matters. 20. 258 p.
 8. Дьячков М.В. Этническое и интеграционное самосознание в полиэтнических государствах // Этническое и языковое самосознание. М.: 1997, С. 46-47.
 9. Казакевич О.А. Говорят ли кеты по-кетски? // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М.: 1994, С. 19-26.
 10. Lipset Н. The station of National Minority Languages in Soviet Education // Soviet Studies: 1967. 19, pp. 55-62.
 11. Silver B.D. Language Policy and the Linguistic Russification of Soviet Nationalities // Soviet Nationality Policies and Practice. New York: 1978, pp. 250-306.
 12. Kreindler I.T. The non-Russian languages and the challenge of Russian: The Eastern versus the Western Tradition // Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages. Berlin-New York-Amsterdam: 1985. Pp. 345-367
 13. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917-2000. М.: 2000. 220 с.
 14. Robinson-Pant A. Women's literacy and health: Can an ethnographic researcher find the links? In B. Sreet (ed.), Literacy and development: Ethnographic perspectives. London: Routledge: 2021. Pp.152-170.
 15. Розин М.Д., Свечкарев В.П. Проблемы системного моделирования сложных процессов социального взаимодействия // Инженерный вестник Дона, 2012, №2. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/
 16. Свечкарев В.П., Розин М.Д. Инженерный прорыв в социальном моделировании // Инженерный вестник Дона, 2013, №4. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/
-

References

1. May S. Critical ethnography. In N. Hornberger & D. Corson (eds.). Encyclopedia of Language and Education. Research methods in language and education: 1997. Vol.8, 197-206.
 2. Mlechko T.P., Shipilov A.V. Problemy yazykovoj zhizni Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stran [Problems of the language life of the Russian Federation and foreign countries]. M: 1994, pp. 87-90.
 3. Perekhval'skaya E.V. Malye yazyki Evrazii: sociolingvističeskij aspekt [Small languages of Eurasia: sociolinguistic aspect]. M.: 1997, pp. 130-134.
 4. Stites R. Literacy and Development: 2001. 207 p.
 5. Dyer C. & Choksi A. Literacy and development: Ethnographic perspectives. London: Routledge: 2000, pp. 27-39.
 6. Jaffe A. American Ethnologist: 1999. 27(3), pp.764-765.
 7. King, K. 2001. Language revitalization processes and practices: Quichua in Ecuadorian Andes. Clevedon: Multilingual Matters. 258 p.
 8. Dyachkov M.V. Etničeskoe i yazykovoe samosoznanie [Ethnic and linguistic self-consciousness]. Moskva: 1997, pp. 46-47.
 9. Kazakevich O.A. Problemy yazykovoj zhizni Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stran [Problems of the language life of the Russian Federation and foreign countries]. M.: 1994, pp.19-26.
 10. Lipset H. The station of National Minority Languages in Soviet Education. Soviet Studies: 1967. 19, pp.55-62.
 11. Silver B.D. Soviet Nationality Policies and Practice. New York: 1978, pp. 250-306.
 12. Kreindler I.T. Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages. Berlin-New York-Amsterdam: 1985. Pp. 345-367.
 13. Alpatov V.M. 150 yazykov i politika: 1917-2000. [150 languages and politics: 1917-2000]. M.: 2000. 220 p.
-

14. Robinson-Pant A. Women's literacy and health: Can an ethnographic researcher find the links? In B. Sreet (ed.), Literacy and development: Ethnographic perspectives. London: Routledge: 2021. 152-170.

15. Rozin M.D., Svechkarev V.P. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2012, №2 URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/

16. Svechkarev V.P., Rozin M.D. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2013, №4 URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/